

ОСОБЕННОСТИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В МЕМУАРИСТИКЕ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА

Е. А. Попова, С. В. Кудрявцева

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 13 апреля 2021 г.

Аннотация: книга воспоминаний О. Э. Мандельштама «Шум времени» привлекает внимание читателей и исследователей не только своими идеями, своеобразием структуры и характеров героев, но и использованием прецедентных феноменов, которые становятся стилистической доминантой текста. В статье рассматриваются особенности использования прецедентных феноменов в мемуарах Мандельштама, которые восходят ко многим произведениям русской и зарубежной литературы, античности, Библии.

Ключевые слова: явление прецедентности, прецедентные феномены, прецедентное сравнение, мемуаристика, интертекстуальность, О. Э. Мандельштам.

Abstract: the book of memoirs "The Noise of Time" by O. E. Mandelstam attracts readers and researchers' attention not only by its ideas, uniqueness of the structure and characters, but also by the use of precedent phenomena that are the stylistic dominant of the text. The article examines the features of the use of precedent phenomena in Mandelstam's memoirs, which go back to many works of Russian and foreign literature, antiquity, and the Bible.

Keywords: precedence, precedent phenomena, precedent comparison, memoirs, intertextuality, O. E. Mandelstam.

Проблемы изучения индивидуального стиля автора давно привлекают внимание исследователей. Не менее показательный процесс — расширение круга явлений, которые рассматриваются с точки зрения поиска признаков, которые определяют творческую индивидуальность автора. К числу таких явлений в полной мере относятся прецедентные феномены, поскольку для литературной коммуникации характерно их активное использование, что способствует восприятию текста как части общего литературного дискурса и — шире — как элемента национальной и мировой культуры.

Многие литературные тексты часто создаются и воспринимаются как своего рода диалог с другими текстами: автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов, подчеркивает собственную позицию на фоне обширного дискурса. Такой текст оказывается насыщенным множеством прецедентных имен и ситуаций, отсылок к прецедентным высказываниям и текстам, аллюзий и реминисценций, прецедентных метафор и сравнений. Полное восприятие такого текста возможно только с учетом всех его интертекстуальных связей, которые, не ограничиваясь литературой, имеют выход в другие виды искусства: музыку, живопись, театр, скульптуру, архитектуру.

Особый интерес представляют случаи, когда прецедентные феномены образуют в тексте своего рода систему, которой присущи сильные внутритекстовые и дискурсивные связи. Эта система может выступать как стилистическая доминанта текста, обеспечивать его связность и цельность в пределах мировой литературы, она усиливает эстетическую значимость и прагматический потенциал текста. Отметим, что познавательная и эмоциональная значимость прецедентных феноменов очень существенна для языковой личности: это не только отсылка к определенным текстам, фактам истории, известным событиям в общественной жизни того или иного периода, но и способ передачи восприятия происходящего, его оценки.

В качестве примера рассмотрим комплекс прецедентных феноменов в книге воспоминаний О. Э. Мандельштама «Шум времени» (1923), созданной писателем в рамках характерной модернистской парадигмы, типичными признаками которой служат интертекстуальность, языковая игра, интерстилевое тонирование, метафоричность, знаковость, сложная диалектика реального и виртуального. Каждый прецедентный феномен — это знак бесконечного диалога различных сфер культуры, различных ее поколений, но вместе с тем это еще и показатель интеллектуального уровня автора и того, насколько он доверяет эрудиции читателей. Творческая индивидуальность автора текста проявляется в отборе элементов интертек-

стуальности, в умелом использовании компонентов из предшествующего опыта человечества для создания нового оригинального текста.

Бытует мнение, что творчество О. Э. Мандельштама, особенно его воспоминания, сложно для восприятия. В своей книге он обращается к богатым реалиям мировой культуры, начиная от Библии и античности и кончая XX веком. При этом самые различные явления культуры прошлого для поэта не памятники былого, а живые неумирающие ценности современного мира. Суть очарования и одновременно сложности произведения Мандельштама состоит не только в широте его культурных ассоциаций, но и в изощренном искусстве соединять в своем тексте глобальные мировые смыслы с конкретными и предметными. Так, преподаватель словесности, поэт, литературовед В. В. Гиппиус — это «*Ромул*, ненавидящий свою волчицу», и при этом учивший «других ее любить» [2, 45]. Под волчицей здесь понимается литература. Борис Наумович Синани, отец друга и одноклассника Мандельштама по Тенишевскому училищу, — «*Авраам позитивизма*», *базаровщина* которого «переходила в древнегреческую простоту» [2, 37]. Подчеркивая двойственность облика его сына — Бориса Синани, мать которого была русской, а отец — караимом-крымчаком, Мандельштам пишет: «Не то русский мальчик, играющий в свайку (речь идет о воспетой Пушкиным скульптуре юноши, играющего в свайку, стихотворение «На статую играющего в свайку» (1836). — *Е. П., С. К.*), не то итальянский *Иоанн Креститель* с чуть заметной горбинкой на тонком носу» [2, 35]. Эти и другие прецедентные феномены помогают читателю проникнуть в суть произведения, дают возможность прикоснуться к чувствам и мыслям автора.

Посредством использования прецедентных феноменов реализуется прагматический уровень языковой личности (взаимоотношения человека с миром), характеризующий цели коммуникации, дающий представление об интересах, интенциях, идеалах, оценках говорящих. Большую часть своих познаний о мире во всем разнообразии его проявлений человек черпает не столько из своего непосредственного опыта, сколько из услышанного или прочитанного, причем те или иные фрагменты знакомых текстов прямо или косвенно отражаются в новых производимых текстах. Это способствует адекватному пониманию и большей эффективности созданного текста, поскольку его использование не только воспроизводит точную и знакомую формулировку, напоминает уже имеющийся образ, но и устанавливает определенное соотношение производимого текста с предшествующим.

«Шум времени» О. Э. Мандельштама практически полностью строится на прецедентных феноменах, превращая текст в интертекст, т.е. текст, сотканный из образов предшествующей и современной куль-

туры. Здесь мы встречаем упоминания многих авторов, их произведений, цитат и образов: Библии и проропа Аввакума, А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя, Ф. И. Тютчева и Н. А. Некрасова, А. А. Фета и Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева, Г. И. Успенского и В. Г. Короленко, А. А. Блока и С. Я. Надсона, Л. Н. Андреева и самого О. Э. Мандельштама, Ж. Б. Мольера и В. Гюго, Ф. Шиллера и И. В. Гёте, Дж. Г. Байрона и О. де Бальзака, Г. Ибсена и М. Метерлинка, причем этот список можно продолжать. Автор мемуаров обращается к прецедентным феноменам, связанным не только с литературой, но и с музыкой (П. И. Чайковский, Л. ван Бетховен, А. Г. Рубинштейн, Р. Штраус и др.), театром (В. Ф. Комиссаржевская, М. Г. Савина и др.), живописью (В. Серов) и другими видами искусства, историей (Наполеон, Жанна д'Арк, Бисмарк и др.).

Прецедентные феномены в мемуаристике Мандельштама служат стилистической доминантной текста, обеспечивают его связность и цельность в рамках мировой культуры. Показательно, что знаки интертекстуальности, во-первых, используются в каждой главе, во-вторых, обеспечивают историческую динамику текста, так как принадлежат к разным эпохам в истории мировой культуры. При этом для характеристики одного автора, его произведений и идей О. Э. Мандельштам использует имя другого автора и строки из его произведений: «Разве *Каутский Тютчев*? Разве дано ему вызывать космические ощущения (“и паутинки тонкий волос дрожит на праздной борозде”)? А представьте, что для известного возраста и мгновенья *Каутский* (я называю его, конечно, к примеру, не он, так *Маркс*, *Плеханов*, с гораздо большим правом) тот же *Тютчев*, то есть источник космической радости, податель сильного и стройного мироощущенья, *мыслящий тростник и покров, накинутый над бездной*» [2, 33]; «Этот *Щедрин* (речь идет о портрете М. Е. Салтыкова-Щедрина, который висел в кабинете Б. Н. Синани. — *Е. П., С. К.*) глядел *виет* и губернатором и был страшен, особенно в темноте» [2, 36].

Эта же манера свойственна литературно-критическим работам Мандельштама. Так, особенности стиля В. Хлебникова в статье «Буря и натиск», написанной в 1922–1923 гг., т.е. примерно в то же время, что и «Шум времени», он характеризует через пушкинские произведения и строки: «Огромная доля написанного Хлебниковым — не что иное, как легкая поэтическая болтовня, как он ее понимал, соответствующая отступлениям из “*Евгения Онегина*” или *пушкинскому*: “*Закажи себе в Твери с пармезаном макарони и яичницу сvari*”» («Буря и натиск») [2, 290]. Эта цитата — из первой строфы стихотворения, которое А. С. Пушкин приводит в письме к С. А. Соболевскому от 9 ноября 1826 г., описывая свой путь от Москвы до Новгорода и давая советы своему адресату [см. 4, 353; 5, 215]. Их первая часть

«закажи себе в Твери» в современной лингвистике рассматривается как пушкинизм, о чем свидетельствует включение этого выражения в «Школьный словарь крылатых выражений Пушкина» (авторы В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко) в значении «о словах Пушкина» [3, 186]. См. также следующую характеристику: Тютчев — «Эсхил русского ямбического стиха» («Буря и натиск») [2, 287].

То или иное явление действительности, людей, ситуацию, предмет Мандельштам часто описывает и характеризует, используя прецедентное сравнение. Кроме примеров, приведенных выше, см. следующие: «Мальчики девятьсот пятого года шли в революцию с тем же чувством, с каким *Николенька Ростов шел в гусары*: то был вопрос влюбленности и чести. И тем, и другим казалось невозможным жить не согретыми славой своего века, и те, и другие считали невозможным дышать без доблести. “Война и мир” продолжалась, — только слава переехала» [2, 40]; «Здесь мы играли в городки, и, лежа на финских покосах, он (Борис Синани. — *Е. П., С. К.*) любил глядеть на простые небеса холодно удивленными глазами князя Андрея» [2, 40]; «Бездетный, беспомощно-ластоногий *Бисмарк* чужой семьи, Юлий Матвейч внушал мне глубокое сострадание» [2, 31]; «Он (Юлий Матвейч. — *Е. П., С. К.*) умер, как *бальзаковский* старик, почти выгнанный на улицу хитрой и крепкой гостинодворской семьей, куда перенес под старость свою деятельность домашнего *Бисмарка* и позволил прибрать себя к рукам» [2, 32].

См. также использование этого приема при описании одноклассников по Тенишевскому училищу: «Первый ученик Слободзинский — человек из *сожженной Гоголем второй части “Мертвых душ”*, положительный тип русского интеллигента, умеренный мистик, правдолюбец, хороший математик и начетчик по *Достоевскому*; потом заведовал радиостанцией» [2, 27]; «А все-таки в Тенишевском были хорошие мальчики. Из того же мяса, из той же кости, что *дети на портретах Серова*» [2, 28]. Музыка П. И. Чайковского в сознании автора вызывает ассоциации, связанные с желанием главной героини повести Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова»: «Чайковского об эту пору я полюбил болезненным нервным напряжением, *напоминавшим желанье Неточки Незвановой у Достоевского* услышать скрипичный концерт за красным полымем шелковых занавесок» [2, 22].

В рамках прецедентного сравнения Мандельштам к прецедентному имени часто добавляет эпитет: *беспомощно-ластоногий Бисмарк* [2, 31], *домашний Бисмарк* [2, 32], *итальянский Иоанн Креститель* [2, 35].

Об особой роли книг в своей жизни, особенно тех, с которыми познакомился еще в детстве, Мандельштам пишет в главе «Книжный шкаф»: «Книжный шкаф раннего детства — спутник человека на всю жизнь. Расположение его полок, подбор книг, цвет

корешков воспринимаются как цвет, высота, расположение самой мировой литературы. Да, уж тем книгам, что не стояли в первом книжном шкапу, никогда не протиснуться в мировую литературу, как в мирозданье. Волей-неволей, а в первом книжном шкапу всякая книга классична, и не выкинуть ни одного корешка» [2, 14]. В этой домашней библиотеке были Гёте, Шиллер, Шекспир, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Надсон и произведения других авторов. При этом, описывая свое детское восприятие того или иного писателя и его произведений, Мандельштам не только сравнивает их между собой, но и обращает внимание читателей на внешний облик книг своего детства: «Мой *исаковский Пушкин* был в *ряске* никакого цвета, в гимназическом коленкоровом переплете, в черно-бурой, вылинявшей *ряске*, с землистым песочным оттенком <...>. У *Лермонтова* переплет был зелено-голубой и какой-то военный, *недаром* он был *гусар*. Никогда он не казался мне братом или родственником *Пушкина*. А вот *Гёте* и *Шиллера* я считал близнецами. <...> А что такое *Тургенев* и *Достоевский*? Это приложение к «Ниве». Внешность у них одинаковая, как у братьев. Переплеты картонные, обтянутые кожей. На *Достоевском* лежал запрет, вроде надгробной плиты, и о нем говорили, что он “тяжелый”; *Тургенев* был весь разрешенный и открытый, с *Баден-Баденом*, “*Вешними водами*” и ленивыми разговорами. Но я знал, что такой спокойной жизни, как у *Тургенева*, уже нет и нигде не бывает» [2, 15].

В мемуарах Мандельштам прибегает и к автоцитированию, т.е. автопрецедентности. Например, поэтическим автопрецедентом к «Шуму времени» выступает написанное ранее стихотворение «Концерт на вокзале» (1921). Строки, описывающие концерты в Павловске, — «Сыроватый воздух заплесневших парков, запах гниющих парников и оранжевых роз и навстречу ему тяжелые испарения буфета, едкая сигара, вокзальная гарь и косметика многотысячной толпы» («Музыка в Павловске») [2, 6–7] — имеют прямые текстуальные параллели со стихотворением «Концерт на вокзале»: «Ночного хора дикое начало / И запах роз в гниющих парниках <...>» [1, 139].

Отчуждение от идей того или иного автора, несогласие с ними выражается с помощью использования прецедентных имен в форме множественного числа, что является одним из средств выражения «чужого» мира с точки зрения семантической категории чуждости: «Никогда я не мог понять *Толстых* и *Аксаковых*, *Багровых-внуков*, влюбленных в семейственные архивы с эпическими домашними воспоминаниями» [2, 41].

Обобщая все сказанное, следует отметить, что культурное пространство книги О. Э. Мандельштама «Шум времени» чрезвычайно богато и разнообразно: в тексте встречаются прецедентные

феномены, относящиеся к различным областям искусства широкого временного диапазона. В результате синтеза различных источников расширяются пространство и время текста. Через использование прецедентных феноменов писатель осуществляет творческий диалог с культурным наследием прошлого. Более того, прецедентные феномены не только побуждают читателя обращаться к различным ранее созданным произведениям, но и подчеркивают стилистическое мастерство О. Э. Мандельштама, его умение удачно подобрать знаки интертекстуальности и сделать их комплекс стилистической доминантой текста.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского

Попова Е. А., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы

E-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

Кудрявцева С. В., аспирант кафедры русского языка и литературы

E-mail: svetlana.kudryavceva.1977@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Мандельштам О. Э. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения / О. Э. Мандельштам. — М.: Худож. лит., 1990. — 638 с.

2. Мандельштам О. Э. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Проза / О. Э. Мандельштам. — М.: Худож. лит., 1990. — 464 с.

3. Мокиенко В. М. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. — СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. — 800 с.

4. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 2. Стихотворения 1820–1826 / А. С. Пушкин. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 462 с.

5. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 10. Письма / А. С. Пушкин. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — 902 с.

Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky

Popova E. A., Doctor of Philology, Professor, the Head of the Russian Language and Literature Department

E-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

Kudryavtseva S. V., Postgraduate Student of the Russian Language and Literature Department

E-mail: svetlana.kudryavceva.1977@mail.ru